РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. АВГУСТЪ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Высочайшій манифестъ 20 іюля 1914 г.
II. Высочайшій манифестъ 26 іюля 1914 г.
III. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году. I
IV. Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Боейкова). Гр. Н. П. Игнатьева. 195—206
V. Люди и нравы за полвѣка. Н. Морозова. 207—228
VI. Воспоминанія воспитанницы Патріотическаго института дореформеннаго времени. А. Лазаревой. . . . . 229—248
VII. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М. . . 249—268
VIII. Смольный институтъ и его роль въ исторіи женскаго образованія въ Россіи. Е. С. Шумигорскаго. . . . 269—280
IX. Угличскій ссыльный колоколъ. Дм. Лаврова 281—305
X. Основаніе Смольнаго монастыря. Ко дню 150-лѣтія со дня открытія Смольнаго института—4 августа 1764 г. Сообщ. Е. С. Шумигорскій 306—351
XI. Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. В. Г. Смородинова . . 352—371
XII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 22-го мая по 14-ое іюня 1914 г. . . 372—384
XIII. Библіографическій листокъ (на обложкѣ).

Приложенія: Портреты: 1) Государя Императора, 2) Императрицы Маріи Ѳеодоровны и 3) Николаевскій Смольный Институтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

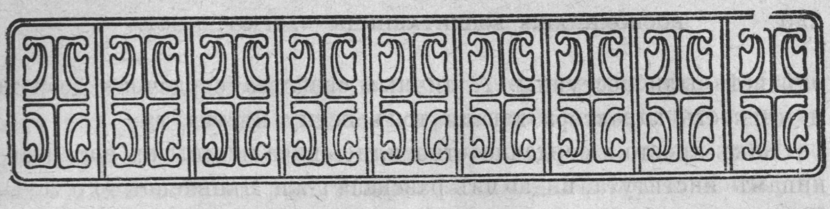
Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

ВЕЛИКОЛУЦКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1914 года.



Воспоминанія воспитанницы Патріотическаго института дореформеннаго времени.

Только-что прочла интересный и талантливо составленный очеркъ госпожи Водовозовой: „Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго“ [1]), и невольно мысль моя перенеслась въ то далекое прошлое и въ памяти возстали давно забытые образы. Во имя этихъ послѣднихъ, хочу сказать нѣсколько словъ о Патріотическомъ институтѣ, въ которомъ я пробыла съ 1852 по 1858 годъ,—какъ разъ время, описанное г-жей Водовозовой.

Картины, изображенныя въ очеркѣ, такъ жизненно правдивы, такъ вѣрно рисуютъ дѣйствительность того времени, что почти все сказавное о Смольномъ можно повторить и о Патріотическомъ институтѣ. Но останавливаясь на описаніи взаимныхъ отношеній воспитательницъ къ воспитанницамъ и послѣднихъ другъ къ другу, на вліяніи института, на памяти, оставленной имъ послѣ многолѣтняго въ немъ пребыванія, я не могу не сказать: мы, патріотки, были счастливѣй смолянокъ, у насъ все было проще, сердечнѣй, а потому жилось намъ легче. Лично я съ теплымъ чувствомъ вспоминаю о времени, проведенномъ въ институтѣ, и о всѣхъ лицахъ, съ которыми пришлось соприкасаться въ продолженіе шести лѣтъ.

Вѣроятно, благодаря тому, что институтъ нашъ былъ не большой, начальницы его могли удѣлять болѣе времени, какъ на надзоръ за порядкомъ въ немъ, такъ и на болѣе близкое знакомство съ воспитанницами. Къ тому же традиціи института не требовали отъ нихъ чрезмѣрной важности, вотъ почему

---

[1]) „Русское Богатство“ 1908 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11.

онѣ всѣ были доступны. А личныя свойства: сердечная доброта и мягкость характера давали тонъ всему институту.

Какъ просто и сердечно относились начальницы къ воспитанницамъ института, видно изъ разсказа г-жи Яковлевой [1]) о Л. Ѳ. Вистингаузенъ, бывшей 30 лѣтъ начальницею Патріотическаго института (съ 1818 по 1847 г.). Опытная воспитательница, женщина рѣдкой души, она не жалѣла себя въ своихъ заботахъ о ввѣренныхъ ей воспитанницахъ. Она была съ ними безпрестанно въ дортуарахъ и классахъ, и за столомъ. Однажды Государь Николай Павловичъ, неожиданно посѣтивъ институтъ въ обѣденное время, засталъ Луизу Ѳедоровну, обѣдающую съ дѣтьми. Это очень понравилось Государю и онъ, вернувшись во дворецъ, сообщилъ о томъ императрицѣ. Луиза Ѳедоровна знала лично каждую воспитанницу, слѣдила за всѣми и всѣмъ. Блѣдное личико, скучное или грустное выраженіе лица останавливали на себѣ ея вниманіе и вызывали желаніе узнать, въ чемъ дѣло, чтобы помочь. При трудно больныхъ она проводила ночи, ухаживая за ними, какъ за собственными любимыми дѣтьми. Никакія родства и связи не имѣли вліянія на ея отношенія къ дѣтямъ.

Въ Смольномъ другое было дѣло. Не говоря о г-жѣ Леонтьевой, поставившей себя въ исключительное положенія, но и послѣдующія начальницы продолжали держать себя съ высокомѣрною неприступностію и считались въ институтѣ какими, то недосягаемыми божествами. Нужно думать, что благодаря этому и нѣкоторые порядки, описанные г-жей Водовозовой, продолжали еще долго царствовать въ Смольномъ.

Говорю это по личному опыту.

Въ 1880 году, желая дополнить образованіе дочери моей, я рѣшила помѣстить ее въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ, независѣвшимъ отъ меня, обстоятельствамъ выборъ мой остановился на Николаевской половинѣ Смольнаго. 13-лѣтняя, хорошо приготовленная дѣвочка была принята въ 3-й классъ, гдѣ большинство подругъ ея были 15—17 лѣтъ.

Тихая, застѣнчивая, впечатлительная и нервная, она терялась при каждомъ окрикѣ. А съ поступленія въ институтъ, она ничего, кромѣ крика, брани, толчковъ не слыхала и не видѣла. Никто не сказалъ ей добраго слова, никто же не принялъ участія, никто не помогъ ей. Всѣ, на себѣ испытавшія, знаютъ,

---

[1]) „Русская Старина“ 1871 г. Томъ III, стр. 385.

какое тяжелое время переживаютъ вновь поступающія, особенно если онѣ попадаютъ въ классъ, прошедшій уже нѣсколько лѣтъ институтской жизни. Ежедневные крики, брань, издѣвательства надъ новенькой, въ родѣ обливанія холодной водой, когда она засыпала; одно: „пошла прочь", когда больная отъ непривычнаго свѣта глазами, съ расширенными отъ атропина зрачками, она умоляла по очереди всѣхъ воспитанницъ разрѣшить ей послушать, какъ онѣ приготовляютъ урокъ, иначе ее ожидаетъ наказаніе за незнаніе его; крики классной дамы за все и про все, когда, отвѣчая урокъ французской литературы, дѣвочка, прекрасно зная языкъ, осмѣливалась замѣнить одно слово другимъ, а требовалось отвѣчать „въ зубряшку", т. е. слово въ слово [1]); крики инспектриссы, чуть не каждый день отчитывавшей классъ и т. д.—все это не могло не подѣйствовать на дѣвочку. Она не выдержала, и я черезъ три мѣсяца вынуждена была взять ее совсѣмъ изъ института по совѣту профессора Мержеевскаго, предупредившаго меня, что дѣвочку ожидаетъ столбнякъ, если я ее не возьму немедленно.

И долго потомъ я ничѣмъ не могла вызвать улыбки на ея лицѣ. Когда же въ разговорѣ съ инспектрисою (до начальницы меня не допустили) я высказала ей, что сама воспитанница института, о которомъ вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностію, я, менѣе чѣмъ кто-либо, могла ожидать такое безсердечное отношеніе, такую грубость и такіе безпорядки, то въ извиненіе получила въ отвѣтъ: дѣйствительно, классъ невозможный, онъ за 4 года выжилъ семь нѣмецкихъ классныхъ дамъ.

Время конечно беретъ свое, все, описанное г-жей Водовозовой и упомянутое мною, нужно думать, отошло въ область преданій. Теперь, какъ я слышала, въ Смольномъ другіе порядки, и одна изъ моихъ внучекъ, недавно вышедшая изъ него, добромъ поминаетъ и крѣпко стоитъ за свой институтъ.

Но вернусь къ Патріотическому институту. Я въ немъ, была при двухъ начальницахъ: Зассъ и Безобразовой и обѣ были такъ ласковы съ нами, что мы безбоязненно обращались къ нимъ съ нашими маленькими горестями, что было со мною не однажды.

Характера я была очень живого и хотя имѣла прекрасные баллы не только за ученіе, но и за поведеніе, тѣмъ не менѣе

---

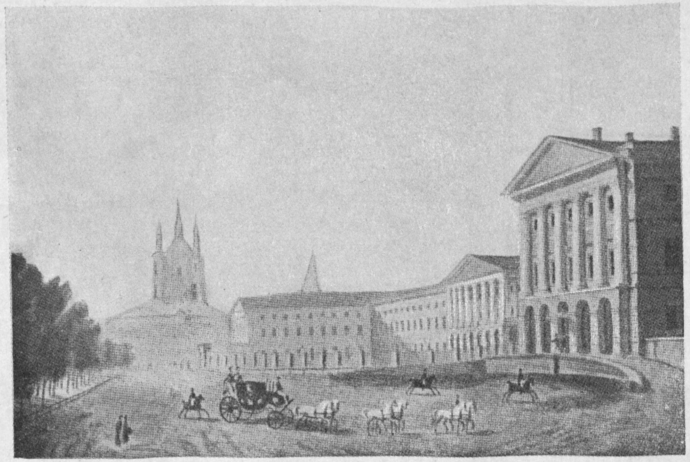
[1]) За старостію учителя французскаго языка, рѣшено было дать ему дослужить до пенсіи, но преподаваніе литературы было возложено на классную даму.

очень часто попадалась въ разныхъ погрѣшностяхъ. Такъ однажды священникъ на урокѣ Закона Божія совѣтовалъ намъ: „если кто обидитъ тебя и явится желаніе отвѣтить на обиду какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ, то возьми въ ротъ воды и держи ее, пока не успокоишься". Вслѣдъ за урокомъ насъ повели въ рукодѣльный классъ, которымъ завѣдывала не симпатичная нѣмка Беккеръ. Говорила она съ какимъ-то акцентомъ, и ея грубый, трескучій голосъ дѣлалъ ея непрерывную воркотню особенно непріятною. На этотъ разъ не угодила ей работою я, и когда она стала грубо выговаривать мнѣ, то я, чтобы смолчать, сдѣлала видъ, что беру воду въ ротъ, а за тѣмъ на всѣ ея причитанія только махала головой и указывала на ротъ. Конечно, это вызвало смѣхъ подругъ, что окончательно взбѣсило Беккеръ, и она поспѣшила къ классной дамѣ съ жалобой на меня. И какъ я ни старалась увѣрить послѣднюю, что всему виною батюшка со своимъ совѣтомъ, тѣмъ не менѣе за мой haut-fait приходилось платиться пріемомъ, то есть въ первый пріемный день я лишалась свиданія съ родными, кто бы ни пріѣхалъ навѣстить меня. День былъ субботній, и такое наказаніе, всегда непріятное и конфузное, было мнѣ тѣмъ больнѣй, что на завтра, воскресеніе, я ожидала пріѣзда родителей, рѣдко посѣщавшихъ Петербургъ. Долго не думая, я въ первую свободную минуту отправилась къ maman и повѣдала ей и мое преступленіе, и раскаяніе, и горе, и получила отпущеніе грѣха своего. И мое обращеніе къ ней не вызвало осужденія ни со стороны подругъ, ни классной дамы, такъ оно считалось обыденнымъ дѣломъ. Вообще у насъ не существовало непріязни къ хорошимъ воспитанницамъ, Не было у насъ и „отчаянныхъ".

Поступила я въ институтъ мѣсяца за два до выпуска и попала въ классъ, три года проведшій въ институтѣ [1]). Естественно было ожидать цѣлый рядъ экспериментовъ надъ „новенькою", но классъ принялъ меня самымъ симпатичнымъ образомъ. Правда, вышучивали меня иногда, задавая напримѣръ вопросъ: „ѣла ли я физику съ молокомъ?"—вопросъ, на которомъ часто попадались новенькія, желавшія показать, что дома онѣ пользовались всѣми, безъ исключенія, деликатессами. Но всѣ шутки были такъ добродушны, что я съ удовольствіемъ

---

[1]) Въ то время всѣ воспитанницы дѣлились на 2 класса съ трехъгодичнымъ курсомъ въ каждомъ. Каждый же классъ дѣлился на три отдѣленія. Каждое отдѣленіе имѣло свой дортуаръ и по двѣ классныхъ дамы, дежурившихъ по очереди черезъ день.



Николаевскій Смольный Институтъ.

поддавалась имъ. А когда въ числѣ фамилій воспитанницъ класса я услышала знакомыя мнѣ по Курску, какъ то Глѣбовой, Хелмской, Анненковой, Львовой, то скоро установились добрыя отношенія, которыя продолжались и когда этотъ классъ перешелъ въ старшій.

Классными дамами того отдѣленія, куда я временно попала, были: m-me Липранди и m-elle Розенъ. Послѣдней я обязана первымъ большимъ удовольствіемъ, испытаннымъ въ институтѣ.

Какъ-то вечеромъ, сидя въ рекреаціонномъ голубомъ залѣ, слѣдила я за играми подругъ. Вдругъ стремительно входитъ Розенъ, беретъ меня за руку и, ни слова не говоря, такъ же стремительно ведетъ меня съ собой. Не успѣла я оглянуться, какъ очутилась въ бѣломъ залѣ на колѣняхъ среди выпускныхъ, репетировавшихъ къ акту балетъ „pas de châles. Оказалось, что кромѣ 8—10 воспитанницъ младшаго класса, уже принимавшихъ участіе въ этомъ балетѣ, нужна еще одна маленькая дѣвочка, чтобы держать конецъ голубой шали, долженствовавшей изображать „А"—вензель Государыни—вотъ Розенъ и вспомнила меня. Много пріятныхъ минутъ доставило мнѣ это, особенно же счастлива я была, когда стало извѣстнымъ, что актъ будетъ во дворцѣ въ виду легкаго нездоровія Императрицы. Быть во дворцѣ, видѣть Царскую семью, любоваться всѣми чудесами, которыя моя дѣтская фантазія облекала въ волшебные образы, казалось маленькой провинціалкѣ недосягаемымъ блаженствомъ.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидала я это радостное событіе. Уже съ утра въ день акта весь институтъ былъ въ волненіи. Наконецъ насталъ моментъ—всѣ готовы, юныя личики такъ веселы, бѣлыя воздушныя платья такъ нарядны. Придворныя кареты доставили насъ во дворецъ. Актъ начался какъ всегда музыкою, затѣмъ шло пѣніе, характерные танцы съ pas de châles въ концѣ. По окончаніи этого послѣдняго Государыня Александра Ѳеодоровна подошла къ намъ и со словами: „ты не заснула, крошка" подала руку маленькой Березовской (круглой сиротѣ, привезенной 6-ти лѣтъ въ институтъ), сидѣвшей въ серединѣ вензеля, со сложенными рученками. Затѣмъ начался балъ.

Государыня удалилась во внутренніе покои, предоставивъ молодежи веселиться безъ стѣсненія. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и всѣ великіе князья танцовали съ выпускными, мы же маленькія сгруппировались въ концѣ зала, любуясь танцами.

Вдругъ подходитъ къ намъ Государь Николай Павловичъ со словами: „не скучно вамъ, дѣтки? Нравится вамъ у меня? Хотите видѣть всю мою хатку?“ На наше повторенное: „да, да, Ваше Величество“ Государь повелъ насъ по всѣмъ заламъ дворца, зимнему саду, и наконецъ мы пришли въ комнату, вѣроятно кабинетъ Государыни, гдѣ она сидѣла на креслѣ возлѣ стола. Государь быстро подошелъ къ ней и, ставъ на колѣни, поцѣловалъ ея руку, а свои обѣ заложилъ за спину. Этимъ примѣромъ воспользовались мы, ставъ кругомъ Государя на колѣни, старались цѣловать его руки, но Онъ отбивался, говоря: „не кусаться, дѣти! не кусаться!“

По возвращеніи въ залъ насъ напоили чаемъ, одѣлили сладостями, которыя разрѣшено было взять съ собой.

Объ этой поѣздкѣ долго вспоминали, много было разсказовъ о тѣхъ и другихъ подробностяхъ. Такъ между прочимъ разсказывали о комическомъ инцидентѣ съ одной изъ выпускныхъ, такъ волновавшейся, что забыла снять большія калоши, въ которыхъ и танцевала весь вечеръ.

Наступилъ выпускъ, мои временныя подруги перешли въ старшій классъ, а я попала въ 1-ое отдѣленіе младшаго, классными дамами котораго были Гагенъ и Бюсси-де-Рабютенъ. Первая простенькая и не могу сказать, чтобы очень развитая, но добрая, незлобливая, старалась по силѣ умѣнья помогать воспитанницамъ и своимъ мягкимъ обращеніемъ если не заслужила горячей любви всѣхъ, но и не возбуждала непріязни. Что же касается Бюсси-де-Рабютенъ, то это была выдающаяся личность. Хорошей фамиліи, прекрасно образованная, всегда спокойная и ровная въ обращеніи, религіозная безъ ханжества, въ высшей степени выдержанная, она имѣла громадное, благотворное вліяніе на воспитанницъ. Внимательно слѣдя за классомъ, она вела его твердою рукою и въ концѣ концовъ вполнѣ овладѣла имъ. Ея слово неодобренія имѣло гораздо болѣе значенія, чѣмъ десять наказаній. Огорчить ее считалось преступленіемъ, и классъ берегъ ее. Конечно, случались и шалости и недоразумѣнія между дѣтьми, но она умѣла дать всему вѣрную оцѣнку и своимъ вліяніемъ облагородить понятія дѣтей и взаимныя ихъ отношенія.

Въ рекреаціонное и свободное отъ занятій время лучшимъ нашимъ удовольствіемъ была бесѣда съ нею. Она умѣла и заинтересовать разсказомъ, и остро пошутить, и незамѣтно навести на добрую мысль и преподать урокъ нравственности. Врагъ шпіонства, наушничества и всякихъ низменныхъ побуж-

деній, она умѣла и намъ внушить это. Трудно повѣрить, но за 4—5 лѣтъ ея пребыванія въ классѣ ни одна воспитанница не была ею наказана. Классъ гордился этимъ и считалъ бы себя обезчещеннымъ, если бы кто заслужилъ наказаніе. Всегда при болѣе крупныхъ проступкахъ (какъ напримѣръ помню разъ при потерѣ изъ кармана одной изъ воспитанницъ куска сладкаго пирога, поданнаго за обѣдомъ) весь классъ чуть не со слезами умолялъ не наказывать виновной.

Много съ дѣтства испытавшая въ жизни, m-lle Бюсси (она была дочь эмигрантовъ, все потерявшихъ во время революціи) не придавала значенія ни знатности, ни богатству, тому же учила насъ.

Къ большому нашему горю m-lle Бюсси не довела классъ до выпуска. Застарѣлая, многолѣтняя болѣзнь вдругъ обострилась, и ей пришлось покинуть институтъ. Но добрыя сѣмена, посѣянныя ею, дали такіе крѣпкіе ростки, которыхъ никакія дальнѣйшія превратности не могли уничтожить. Классъ продолжалъ жить дружно безъ всякихъ раздѣленій на богатыхъ и бѣдныхъ, и отчаянныхъ и самъ уже слѣдилъ и наказывалъ за всякій недостойный поступокъ.

Я не называю и ничего не говорю о дамахъ другихъ отдѣленій и классовъ, потому что менѣе знала ихъ; но и между ними были достойныя личности. Однѣ пользовались большею симпатіею, другія меньшею; были и такія, которыхъ не любили, но не было между ними ни одной „Тюфяевой“ (типъ, описанный г-жей Водовозовой).

Всѣ классныя дамы безъ исключенія заботились о ввѣренныхъ имъ воспитанницахъ, старались выдвинуть ихъ, обижались при случаѣ за своихъ и принимали къ сердцу интересы класса.

Для облегченія менѣе способнымъ во всѣхъ отдѣленіяхъ младшаго класса, выбирались лучшія по успѣхамъ и способностямъ дѣвочки и имъ поручали по 2—3 ученицы, за успѣхами которыхъ онѣ обязаны были слѣдить.

Часто—также классныя дамы обращались къ воспитанницамъ старшаго класса, прося ихъ въ каникулярное время подвинуть хорошихъ ученицъ, которымъ по чему-либо не давался тотъ или другой предметъ. Такъ одно лѣто я занималась математикой съ нѣсколькими ученицами 2-го отдѣленія младшаго класса.

Очень многія классныя дамы лѣтомъ помогали дѣтямъ составлять подвижныя игры. Вообще не только лѣтомъ, но и

всегда во внѣклассное время не запрещались и не преслѣдовались ни игры, ни шумъ, ни танцы, ни бѣготня.

И нужно признаться, что мы пользовались ими съ наслажденіемъ. Пробѣгаться хорошо, послѣ многихъ часовъ сидѣнія на мѣстѣ—какое удовольствіе!

Въ моемъ отдѣленіи, когда мы уже были въ старшемъ классѣ, образовалось нѣчто въ родѣ кружка любительницъ подвижныхъ игръ, къ которому конечно принадлежала и я. Классы наши помѣщались въ среднемъ этажѣ институтскаго зданія, въ верхнемъ же были дортуары [1]), и вотъ любительницы игръ въ праздники, а иногда въ будни, когда уроковъ для приготовленія было меньше, оправлялись въ свой дортуаръ и тамъ по дортуару и прилегающему коридору безустанно бѣгали и играли, пока звонокъ не напоминалъ объ ужинѣ. Розовыя, довольныя спѣшили мы въ классъ.

И такъ бы долго продолжалось, если бы не несчастный случай. Однажды, заснувъ блаженнымъ сномъ, послѣ такого пріятнаго времяпрепровожденія, я и моя сосѣдка были разбужены одною изъ участницъ игръ (кажется по фамиліи Булгаковой), сказавшей, что она не знаетъ, почему у нея кровь идетъ горломъ. Мы по неопытности не придали этому должнаго значенія и только утромъ заявили о томъ классной дамѣ, которая сейчасъ же отправила больную въ лазаретъ. Мѣсяцъ проболѣла бѣдная дѣвушка и такъ серіозно, что, несмотря на наши усиленныя просьбы, насъ ни разу къ ней не допустили, и мы увидѣли ее только... на столѣ.

Тутъ кстати скажу, что нашъ институтъ эпидемическія болѣзни рѣдко посѣщали и смертность была очень небольшая. За шесть лѣтъ пребыванія моего въ институтѣ, я кромѣ Булгаковой, помню только еще о смерти Барышевой (выпуска 1855 г.). Это была красивая, стройная, граціозная дѣвушка, отлично училась, прекрасно танцевала. Вдругъ за годъ до выпуска у нея стали болѣть глаза очень сильно, потомъ заболѣли ноги, и она съ трудомъ ходила. Разъ даже упала съ лѣстницы, но не соглашалась идти въ лазаретъ, боясь отстать въ занятіяхъ, пока наконецъ болѣзнь не сломила ее. Что у нея было, не знаю, но разъ попавъ въ лазаретъ, она изъ него не вышла. Особенно тяжело ей стало, когда наступилъ выпускъ, всѣ по-

---

[1]) Въ дортуарахъ мы бывали только во время сна, рекреаціонные же часы проводили въ залахъ, а уроки готовили въ классахъ, въ нихъ же проводили всѣ праздники.

други разъѣхались и она осталась одна. Только я съ нѣсколькими пріятельницами навѣщала бѣдную больную. Родные Барышевой жили гдѣ-то на югѣ, и, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, не могли пріѣхать къ ней. Институтское начальство сдѣлало для нее все, что было возможно, и очень баловало ее. Отдѣльная комнатка ея казалась такой свѣтленькой, столъ заставленъ былъ всякими лакомствами, всѣ желанія ея исполнялись, но ничто спасти бѣдняжку не могло.

Вообще уходъ за больными въ институтѣ былъ прекрасный. И докторъ и лазаретная дама были добры, ласковы, начальница часто навѣщала лазаретъ. Мнѣ все это пришлось испытать на себѣ много разъ, такъ какъ я часто болѣла, а послѣдніе годы каждую весну проводила приблизительно по 6-ти недѣль въ лазаретѣ.

Мои родители даже одно время хотѣли взять меня совсѣмъ изъ института, но я со слезами умоляла оставить меня, говоря, что мнѣ такъ хорошо живется.

Говорятъ, что институтки много сами вредили своему здоровію, считая, что блѣдность и эѳирность необходимыя качества молодой дѣвушки, а потому ѣли мѣлъ, грифель и т. д. Можетъ быть такъ было раньше, но въ мое время эти дикія понятія уже не существовали.

Мы, правда, любили покупать, но все болѣе существенное и питательное. Мысленно возвращаясь къ прошлому, я задаю себѣ вопросъ: дѣйствительно ли насъ плохо кормили? И мнѣ кажется, что не такъ качествомъ страдалъ нашъ столъ, какъ малымъ количествомъ выдаваемаго, что наблюдается и теперь въ институтахъ. Голодомъ, какъ и холодомъ, мы не страдали, какъ смолянки, но здоровые, молодые организмы требовали лучшаго питанія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый лишній, перепадавшій намъ кусочекъ доставлялъ большее удовольствіе. Съ какимъ наслажденіемъ нѣкоторыя, придя въ дортуаръ послѣ ужина, находили у себя подъ подушкой огромные ломти чернаго хлѣба, которыми добрыя феи, въ лицѣ дортуарной прислуги, одѣляли счастливицъ.

Не имѣя вѣроятно возможности обильнѣй кормить насъ, начальство разрѣшало намъ на наши деньги, хранившіяся у классныхъ дамъ, покупать булки, сладости и все другое. Должна признаться, что въ младшемъ классѣ бывали случаи незаконной покупки ситниковъ, маковникомъ, паточныхъ леденцовъ и т. д.—но кто же безъ грѣха?

По обычаю институтскому многія именинницы угощали классъ шеколадомъ. Заказывали мы иногда въ складчину пироги и другія вещи, подгоняя обыкновенно заказъ ко дню именинъ общаго предмета обожанія (и вѣроятно М. М. Стасюлевичъ и другіе преподаватели не знали и не подозрѣвали то количество вкусныхъ вещей, которое съѣдалось почитательницами во здравіе ихъ).

Роднымъ и знакомымъ не запрещалось приносить въ пріемные дни и передавать воспитанницамъ на руки всякаго рода гостинцы. Мы же предпочитали хоть попроще, да всего побольше и посытнѣе. Помню, какъ за мѣсяцъ приблизительно до выпуска, по окончаніи инспекторскаго экзамена, мы просили maman разрѣшить намъ отпраздновать это событіе танцами между собой. Maman охотно согласилась и обѣщала намъ музыку, но угощенье должно было быть наше. Мы раздѣлились на кружки въ 6—8 воспитанницъ, и каждая должна была внести въ кружокъ что-нибудь по силѣ возможности. Меня родители очень баловали, а потому мнѣ подруги назначили доставить что-нибудь особо хорошее.

Въ первый пріемный день, когда ко мнѣ съѣхалось много родныхъ и родственниковъ, я, радостная, оживленная, разсказывала и объ счастливо окончившихся экзаменахъ, и о предполагаемомъ вечерѣ и просила мать мою прислать мнѣ что-нибудь изъ ряда вонъ вкусное.

„Хочешь особыхъ какихъ конфектъ, пирожковъ?“

„Нѣтъ, мамочка, дорогая“.

„Фруктовъ, винограду, ананасовъ?“

„Нѣтъ... нѣтъ“.

„Можетъ быть, свѣжей клубники?“ (время было зимнее).

„Ахъ, нѣтъ, мамочка, что-нибудь получше“.

„Да что же наконецъ?“

„Ну вотъ, напримѣръ—курицу жареную“.

Общій взрывъ хохота, и затѣмъ эта несчастная курица долго служила поводомъ подразнить меня.

Дѣйствительно, институткамъ того времени жареная курица или утка считались самыми тонкими изысканными деликатесами, и отъ кусочка того или другого никогда не отказывались даже классныя дамы.

Упомянувъ выше объ обожаніи, не хочу пройдти молчаніемъ этого вопроса. Естественная потребность въ сердечной привязанности заставляла дѣвочекъ, на долгіе годы оторванныхъ отъ семьи и лишенныхъ ласкъ, вниманія и заботъ род-

ныхъ, искать, на комъ сосредоточить свою нѣжность, кому проявлять участіе и отъ кого ждать добраго чувства. И вотъ въ результатѣ:

1) Дружба воспитанницъ между собой.

2) Обожаніе.

Кромѣ дружескихъ отношеній между нѣсколькими подругами, очень часто двѣ сосѣдки, или случайно сошедшіяся во вкусахъ и понятіяхъ воспитанницы, заключали между собой нѣчто въ родѣ обѣта дружбы.

Существовавшій для этого кодексъ обязывалъ друзей во всемъ помогать одна другой, беречь и въ случаѣ нужды защищать другъ друга, а также дѣлиться всѣмъ, что выпадетъ на долю той или другой. Преступленіемъ считалось даже съѣсть конфетку, не удѣливъ другу половины. Если одинъ изъ друзей по болѣзни вынужденъ былъ пойдти въ лазаретъ, то оставшійся обязанъ былъ навѣщать его и не съ пустыми руками. Если же никто къ этому послѣднему на пріемъ не приходилъ, а слѣдовательно нечѣмъ было побаловать больную, то другу вмѣнялось въ обязанность просить болѣе счастливыхъ подругъ удѣлить что-нибудь изъ лакомствъ для больной—и никогда отказа не было, живо наполнялся мѣшочекъ къ радости просившей.

Такія дружбы длились годами и много скрашивали институтскую жизнь и не давали заглохнуть свѣтлымъ чувствамъ въ юныхъ душахъ.

Что же касается обожанія, то прежде всего нужно задать себѣ вопросъ, что такое обожаніе?

Взгляните, вотъ у одной изъ стѣнъ рекреаціоннаго зала неподвижно сидитъ маленькая дѣвочка. Выраженіе лица ея такое грустное, жалкое. О чемъ тоскуетъ она? Или вспомнился ей родной домъ, который она только-что покинула? Обидѣлъ ли ее кто? а можетъ заданный урокъ ей не удалось хорошо приготовить? Но видно, сильно болитъ ея сердечко. Случайно проходитъ мимо нея воспитанница старшаго класса. Грустное личико обратило на себя ея вниманіе, и невольно рука протянулась, чтобы приласкать дѣвочку, и тихій голосъ шепталъ слова ободренія—вѣдь и она, старшая, когда-то прошла черезъ то же. И личико маленькой озарилось радостной улыбкой, кто-то пожалѣлъ ее, ей легче, она уже не одна. И вотъ начинается обожаніе. При всякомъ случаѣ, маленькая старается увидать ту, которая пожалѣла ее. Къ ней обращается она со своими затрудненіями, къ ней робко ласкается она, и всегда личико ея сіяетъ при этомъ. Проходитъ годъ, другой—маленькая уже привыкла къ

институту, подружилась съ подругами и не тоскуетъ болѣе, но доброе чувство къ той первой, приласкавшей ее, остается навсегда. Воспитанницы младшаго класса обожали только воспитанницъ старшаго.

Теперь зайдемъ на 1-й урокъ только-что перешедшихъ въ первый классъ воспитанницъ. Какъ оживлены лица этихъ 13, 14-лѣтнихъ подросточекъ. Какъ весело онѣ оглядываютъ другъ друга—вѣдь онѣ уже не въ зеленыхъ платьяхъ, а въ коричневыхъ; онѣ уже большія, съ ними иначе обращаются! Вотъ сейчасъ войдетъ новый учитель! Какіе-то учителя въ старшемъ классѣ и что дадутъ они своимъ ученицамъ?

Вѣдь мысль ихъ просыпается, умишки начинаютъ работать, имъ уже нужно чего-то большаго! Да что же нужно, спрашивается, этимъ подросточкамъ отъ учителя—всего двѣ вещи: умственной пищи и вѣжливаго обращенія. И если преподаватель съ перваго же урока съумѣлъ заинтересовать своею лекціею слушательницъ, да при этомъ не грубъ, то обожаніе готово. Правильнѣе было бы назвать почитаніемъ, уваженіемъ, но институтки не знаютъ для опредѣленія своихъ чувствъ другого слова, какъ обожаніе. И какъ невинны эти обожанія! Ничего не требуя въ замѣнъ, выражалось оно лучшимъ приготовленіемъ уроковъ, тщательнѣе записанной лекціей, чище переписанной тетрадкой, лучше очиненнымъ для предмета перомъ, да еще развѣ съѣденнымъ въ честь его пирогомъ. Все это смѣшно и наивно, но все-таки что-то неясное, милое оставляли въ душѣ дѣвушекъ эти дѣтскія увлеченія.

Инспекторомъ классовъ при мнѣ былъ Максимовичъ, всегда вѣжливый, корректный, гуманный.

О преподавателяхъ и преподавательницахъ младшаго класса я ничего сказать не могу—мало сохранила ихъ въ памяти. Помню только учительницу русскаго языка Никифорову, очень толково и понятно преподававшую русскій языкъ. Ей мы обязаны тѣмъ, что наша орѳографія не хромала.

На иностранные языки уже съ младшаго класса было обращено особое вниманіе. Кромѣ уроковъ намъ иначе не позволяли говорить и между собой и съ классными дамами, какъ по-французски въ дежурство m-lle Бюсси, и по-нѣмецки въ дежурство m-lle Гагенъ. Благодаря этому пріобрѣли практическое знаніе языковъ не только знавшія ихъ до поступленія, но и начавшія изучать ихъ въ институтѣ. Ко времени выпуска почти всѣ свободно и бѣгло говорили по-французски и очень порядочно по-нѣмецки.

Меньшимъ успѣхомъ нѣмецкій языкъ обязанъ тому, что мы его не любили.

Для поощренія каждое воскресеніе и праздникъ дѣвочкамъ младшаго класса раздавали ленточки или вѣрнѣй тоненькіе шнурочки съ кисточками на концѣ,—голубой за хорошее поведеніе, а красный за успѣхи въ наукахъ. Не помню, продолжалось ли это и въ старшемъ классѣ.

Первые годы моего пребыванія въ институтѣ были омрачены Восточною войною. Такъ какъ большинство воспитанницъ принадлежало къ военнымъ семьямъ, то почти у каждой кто-нибудь изъ близкихъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ жадностью ловили мы всѣ извѣстія. Какъ гордились первыми успѣхами; какъ восхищались геройскимъ подвигомъ Щеголева какъ смѣялись надъ адмираломъ Непиромъ; какъ весело декламировали комическіе стихи:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ“ и т. д.

Но, увы, не продолжительна была наша радость. Стали доходить извѣстія о неудачахъ и крупныхъ потеряхъ. Въ институтѣ появился трауръ. И въ нашемъ отдѣленіи одна воспитанница (если память не измѣняетъ по фамиліи Щербакова) получила извѣстіе о кончинѣ отца. Потерявъ въ дѣтствѣ мать, она жила только мыслью объ отцѣ. Было у нея еще два брата, тоже военныхъ, но они не могли замѣнить ей отца. Очень убивалась бѣдняжка, надѣла трауръ (черный передникъ) и носила его уже три мѣсяца, какъ вдругъ неожиданно получаетъ письмо отъ отца. Онъ былъ по ошибкѣ показанъ въ числѣ умершихъ но былъ только очень боленъ и лежалъ въ Симферопольскомъ лазаретѣ и ранѣе не могъ дать извѣстіе о себѣ. Описать радость Щербаковой трудно; она плакала, кричала, рвала на себѣ передникъ, и мы думали, что она съ ума сойдетъ.

До курскихъ уроженокъ дошла вѣсть, что курское ополченіе, подъ начальствомъ генерала Бѣлявцева, геройски билось съ врагами и чуть не все легло костьми.

Тяжело жилось! Вдругъ разнеслась вѣсть о болѣзни, а затѣмъ о кончинѣ 18 марта 1855 г. Императора Николая Павловича. Горько плакали воспитанницы. Всѣ члены царской семьи, часто посѣщая насъ, очень баловали насъ вниманіемъ, но ни отъ кого институтки не видѣли столько ласкъ и заботъ, какъ отъ Государя Николая Павловича. Всегда у него находилась

милая шутка, доброе слово для нихъ, а потому больно было думать, что его уже нѣтъ.

Послѣдній разъ мы видѣли Государя на пожарѣ у насъ. Загорѣлся бѣлый залъ. Онъ соединялся съ главнымъ зданіемъ института не очень широкимъ проходомъ. Это бы, кажется, должно было дать надежду, что пожаръ далеко не пойдетъ, но огонь могло перекинуть, а потому начальница приказала всѣмъ институткамъ надѣть, на всякій случай, теплые салопы (извѣстные подъ названіемъ клоки), безобразные капора и идти въ церковь, самое отдаленное отъ зала мѣсто, имѣвшее отдѣльный выходъ на улицу. Какъ только пожаръ былъ замѣченъ, о немъ немедленно дано было знать Государю, и онъ тотчасъ же пріѣхалъ и оставался на пожарѣ, пока не удалось отстоять всѣ постройки и пожаръ не сталъ затихать.

Желая успокоить институтокъ, Государь пришелъ въ церковь. Мы его обступили, и онъ шутилъ съ нами, говоря, что мы совсѣмъ не храбрыя, такъ какъ испугались такого маленькаго пожара.

Весь институтъ одѣлся въ трауръ по случаю кончины Государя.

Она совпала съ переходомъ нашимъ въ старшій классъ. Какъ всегда были экзамены, по окончаніи которыхъ 26 апрѣля лучшимъ ученицамъ были розданы награды—книги. Мы сбросили зеленыя платья и надѣли коричневыя и съ того времени формально считались состоящими уже въ старшемъ классѣ. Какую радость испытали мы! Съ нами стали обращаться какъ со взрослыми, допускали пользоваться большей свободой, стали вывозить насъ, хотя очень рѣдко, но и это было большимъ развлеченіемъ. Такъ возили насъ: смотрѣть панораму въѣзда Государя Императора Александра Николаевича въ Москву на коронацію; въ Эрмитажъ, гдѣ мы осматривали всѣ рѣдкости; каждую масленицу ѣздили мы въ придворныхъ каретахъ подъ балаганы; наконецъ, лучшихъ воспитанницъ возили на акты: однѣхъ въ Смольный, другихъ въ Екатерининскій институтъ. Къ послѣднимъ принадлежала и я [1]).

Съ переходомъ въ старшій классъ стали измѣняться методы преподаванія. Такъ, при изученіи какъ иностранной, такъ и отечественной литературы, насъ стали знакомить съ произ-

---

[1]) Въ дореформенное время выпуски въ институтахъ чередовались: одинъ годъ выпускали воспитанницъ въ Смольномъ, другой въ Екатерининскомъ, третій въ Патріотическомъ.

веденіями ихъ. Господа: Миналь, Розе и учитель русской словесности (фамиліи его не помню) стали устраивать вечернія чтенія. Эти чтенія мы очень любили.

Преподавали у насъ естественную исторію и физику на русскомъ языкѣ. Былъ у насъ физическій кабинетъ, и мы съ большимъ интересовъ присутствовали на опытахъ.

Географію мы знали хорошо, такъ какъ учитель ея Парамоновъ часто дѣлалъ репетиціи. Правда, учебникъ не вполнѣ, можетъ быть, отвѣчалъ новѣйшимъ требованіямъ, но за то карту мы знали превосходно, рисовали все не только въ тетрадяхъ, но и на классной доскѣ на память, такъ какъ во время урока висѣвшія карты оборачивались къ стѣнѣ.

Недурно знали мы и математику въ предѣлахъ тогдашнихъ требованій; ее преподавалъ, если не ошибаюсь, Зуевъ.

Но самымъ любимымъ нашимъ предметомъ была исторія, благодаря талантливому лектору Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу. Молодой тогда адъюнктъ-профессоръ, онъ, увлекательно читая, умѣлъ сосредоточить вниманіе воспитанницъ и глубоко заинтересовать ихъ. А тонкая иронія, въ случаѣ незнанія урока или неудачнаго отвѣта, заставляла всѣхъ безъ исключенія готовиться къ классу. Лекціи Михаила Матвѣевича приходилось записывать и составлять для класса, который ихъ переписывалъ, по исправленіи Михаиломъ Матвѣевичемъ. Въ моемъ отдѣленіи записывать лекціи добровольно взялись Смиттенъ, Аклечеева и я (Студзинская). У меня до сихъ поръ хранится объемистая тетрадь съ собственноручной надписью Михаила Матвѣевича на заглавномъ листѣ: „Историческій сборникъ отдѣльныхъ разсказовъ, анекдотовъ, характеристикъ и объясненій къ общему курсу всемірной исторіи“. Хорошею повѣркою нашихъ знаній была, предложенная имъ, работа составить „рѣку времени“ какъ по древней, такъ и по средней исторіи, съ чѣмъ намъ удалось удачно справиться.

Такъ какъ одновременно съ нами Михаилъ Матвѣевичъ преподавалъ исторію и великимъ княжнамъ Лейхтенбергскимъ— дочерямъ Великой Княгини Маріи Николаевны, то очень часто составленныя нами историческія карты, а также и рѣка времени служили Ихъ Высочествамъ на урокахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ у меня до сихъ поръ сохранились помѣтки Михаила Матвѣевича.

Но не въ одномъ умѣніи заинтересовать слушательницъ лекціями заслуга Михаила Матвѣевича, главное то, что ему удалось внушить намъ, что трудъ и полезное общественное

дѣло даютъ смыслъ жизни, что можно не задаваться чрезмѣрными задачами, такъ какъ всякое даже самое маленькое дѣло почтенно и достойно подражанія. Онъ совѣтовалъ намъ и на институтскихъ скамьяхъ пріучаться къ работѣ и не терять время, особенно лѣтомъ, когда у насъ такъ много свободныхъ часовъ. И даже при переходѣ со 2-го на послѣдній курсъ принесъ намъ прекрасную французскую книгу для перевода, обѣщая напечатать нашу работу, по окончаніи ея. Не помню теперь заглавія книги, но знаю, что это былъ сборникъ біографій историческихъ женщинъ Франціи. Съ какимъ восторгомъ принялись мы за работу. На мою долю досталась Женевьева, покровительница Парижа. Но не даромъ говоритъ пословица: „l'homme propose et Dieu dispose". Мечты наши не осуществились и работу нашу передать Михаилу Матвѣевичу намъ не удалось, такъ какъ, посланный за границу, онъ къ намъ осенью не вернулся. Уѣзжая на лѣто, онъ воспитанницамъ нашего курса оставилъ на память о себѣ по книгѣ составленнаго имъ „Общаго Курса Исторіи Среднихъ Вѣковъ", изданія 1856 г., экземпляръ котораго хранится у меня до настоящаго времени.

Законъ Божій у насъ проходили довольно подробно, но не очень мучили заучиваніемъ текстовъ. Священника своего (кажется по фамиліи Макіевскій) мы любили и уважали. Постились мы не такъ много, посѣщеніе церкви насъ не утомляло, и наше религіозное чувство не утрачивалось. Напротивъ, я лично никогда не говѣла съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ институтѣ. Былъ у насъ хорошій хоръ церковный изъ воспитанницъ.

Рукодѣліемъ насъ тоже не обременяли. Въ младшемъ классѣ учили шить, а въ старшемъ вышивать (по канвѣ, гладью, золотомъ). И знаніе, вынесенное въ этой отрасли, вполнѣ было достаточнымъ для домашняго обихода. Не помню, чтобы мы много готовили подарковъ.

Пѣнію, кромѣ церковнаго, и музыкѣ обучали за отдѣльную плату желающихъ.

Танцамъ насъ учила какая-то дама, но разъ Великая Княгиня Марія Николаевна, заставъ насъ за урокомъ, осталась недовольна нашею мазуркою, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ Стуколкинъ.

Рисованіе шло не особенно успѣшно, да и трудно было ожидать успѣховъ при одномъ урокѣ въ недѣлю.

Что же касается кулинарнаго искусства, то нужно сознаться, что его каждой изъ насъ пришлось изучать уже дома.

Незамѣтно пролетѣли послѣдніе три года, и вотъ настали экзамены. Первые и самые серіозные назывались инспекторскими. Это была настоящая повѣрка знаній, рѣшавшая вопросы о наградахъ и аттестатахъ. Длились они довольно долго, такъ какъ на каждый предметъ давалось по 3—4 дня для приготовленія.

Лучшими моими подругами были: Адель Забѣлина, Катя Бѣляева, Китти Смиттенъ, Алина Аклечеева и Тоня Абаринова [1]). Мы по нѣкоторымъ предметамъ готовились вмѣстѣ къ экзаменамъ, и они вполнѣ благополучно окончились для всѣхъ насъ. Три послѣднія получили по шифру, Забѣлина и я по золотой медали, не помню, что получила Бѣляева.

По окончаніи этихъ экзаменовъ мы просили maman разрѣшить намъ отпраздновать это знаменательное событіе вечеромъ съ танцами. Очень весело прошелъ этотъ нашъ послѣдній семейный институтскій вечеръ.

Затѣмъ было еще 2 экзамена: Публичный, на который приглашались всѣ родные, и Царскій—спеціально для членовъ Царской Семьи. Каждый изъ этихъ экзаменовъ кончался однимъ днемъ, и на тотъ и другой назначались лучшія ученицы, при чемъ на каждый предметъ выбиралось по 8—10 воспитанницъ. Выборъ предметовъ, по которымъ нужно было отвѣчать на этихъ экзаменахъ, предоставлялся воспитанницамъ, и можно было ограничиться однимъ предметомъ, но дозволялось отвѣчать по 2—3-мъ; билеты заранѣе никому не назначались, а ихъ приходилось выбирать изъ кучи, лежавшей передъ начальницею, и потому намъ очень рекомендовалось не растеряться, если бы попался билетъ менѣе знакомый.

Благополучно окончились и эти экзамены, и насталъ день акта, который въ томъ году былъ въ институтѣ. Ни Государя, ни Государыни не было, но были Великія Княгини: Марія Николаевна, Александра Іосифовна и другія, Великіе Князья, принцъ Ольденбургскій, начальница съ своими гостями, попечители института, инспекторъ, учителя, родственники воспитанницъ, смолянки и екатерининки. Программа вечера была обычная: музыка, пѣніе и танцы.

Награды же раздавала намъ во дворцѣ Государыня Марія Александровна, послѣ чего намъ былъ предложенъ завтракъ,

---

[1]) Забѣлина въ замужествѣ Яковлева. Смиттенъ въ замужествѣ Христіани. Аклечеева въ замужествѣ Фонъ деръ Вейде. Я. Студзинская въ замужествѣ Лазарева.

сервированный на маленькихъ столикахъ, при чемъ за каждымъ изъ нихъ присутствовалъ кто-нибудь изъ членовъ Царской Семьи.

Еще нѣсколько дней, и мы покинули нашъ милый институтъ, гдѣ жилось такъ покойно и весело, покинули, не зная, что ждетъ каждую въ дальнѣйшей жизни.

Не знаю, достаточно ли я освѣтила моими короткими очерками учебно-воспитательную систему, примѣнявшуюся въ Патріотическомъ институтѣ, въ мое время. Я останавливалась на многихъ, можетъ быть не важныхъ и не интересныхъ подробностяхъ институтской жизни, но мнѣ хотѣлось этими мелочами лучше оттѣнить и духовный міръ институтокъ, и существовавшіе взгляды, нравы, отношенія, а также системы и методы, которые примѣнялись, чтобы тѣмъ сильнѣй подчеркнуть разницу переживавшагося одновременно въ Смольномъ и Патріотическомъ институтахъ.

Съ душевною болью читала первыя главы очерка г-жи Водовозовой, съ безконечною жалостью къ тѣмъ юнымъ созданіямъ, которымъ пришлось пройти черезъ тяжелый, описанный ею искусъ.

Злой рокъ, на цѣлыхъ 36 лѣтъ отдавшій въ почти безконтрольное распоряженіе г-жи Леонтьевой два большихъ института, именно этимъ, какъ мнѣ кажется, задержалъ на болѣе долгій срокъ естественное развитіе задачъ этихъ институтовъ. То, что въ Смольномъ стало примѣняться только съ появленіемъ К. Д. Ушинскаго, уже практиковалось въ Патріотическомъ: и программы были обширнѣй, и методы преподаванія другіе, и отношенія гуманнѣй. Думаю, что это нужно отнести къ болѣе широкому взгляду на образовательно-воспитательныя задачи института начальствующихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ Патріотическаго института. Конечно, рамки, въ которыя онъ былъ поставленъ, не допускали большихъ отступленій, а старый строй оставлялъ желать очень и очень многаго.

Всѣ общественныя явленія подчинены законамъ эволюціи. Развитіе общественной мысли повело въ шестидесятыхъ годахъ къ новымъ запросамъ, новымъ требованіямъ и стремленіямъ. Понятно, выяснилась необходимость измѣненія устарѣлыхъ педагогическихъ формъ и пріемовъ. Но очень возможно, что институты еще долго бы ждали, такъ необходимыхъ имъ, преобразованій, если бы не явилось такой энергичной, талантливой и душу въ дѣло положившей личности, какъ К. Д. Ушинскій. Я большая поклонница его и вполнѣ согласна съ г-жею Водово-

зовою, что заслуги Ушинскаго передъ обществомъ и родиной громадны и неоцѣнимы.

Госпожа Водовозова очень живо и увлекательно описываетъ все пережитое ею и ея сверстницами при наступленіи для Смольнаго зари обновленія. Нужно думать, что и на Патріотическомъ отразились благодѣтельныя реформы и привели къ желаннымъ результатамъ.

Но и дореформенный Патріотическій институтъ, несмотря на всѣ несовершенства своего строя, много давалъ своимъ воспитанницамъ. Конечно, институтъ не выпускалъ и не могъ выпускать изъ стѣнъ своихъ вполнѣ умственно развитыхъ и готовыхъ къ жизненной борьбѣ членовъ общества. Послѣ шестилѣтняго затворничества въ 16—17 лѣтнихъ дѣвушкахъ оставалось много юной наивности, мечтательности, безоблачной вѣры въ жизнь, но большинство изъ нихъ выходили вполнѣ готовыми къ дальнѣйшему развитію, выходили съ жаждой знанія, съ стремленіями къ возможно полезной дѣятельности. Привычка въ продолженіе многихъ лѣтъ надѣяться главнымъ образомъ на себя выработывала характеръ, самостоятельность, умѣніе найдтись во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ жизни и пріучала къ чувству общественности.

Къ сожалѣнію, служба моего мужа прошла почти вся на разныхъ окраинахъ, а потому я рѣдко бывала въ Петербургѣ, и мнѣ мало пришлось встрѣчаться со своими однокурсницами. Въ виду этого я не могу сказать, что сдѣлала жизнь, къ чему привела она большинство изъ нихъ. Но о тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось свидѣться, могу сказать, что онѣ вполнѣ исполнили свое назначеніе, однѣ какъ прекрасныя жены и матери, другія какъ незамѣнимыя труженицы на педагогическомъ поприщѣ, третьи какъ общественныя дѣятельницы.

Судьба побаловала меня, дала мнѣ возможность встрѣтиться въ жизни со всѣми пятью пріятельницами, о которыхъ говорила выше, но къ сожалѣнію только по разу. Съ Китти Смиттенъ (Христіани) должна была свидѣться въ Курскѣ по возвращеніи моемъ изъ Благовѣщенска, гдѣ мужъ мой былъ военнымъ губернаторомъ, но, по злой ироніи судьбы, она заболѣла и умерла за недѣлю до моего пріѣзда.

Такъ много хорошихъ минутъ связано съ именами моихъ дорогихъ подругъ, что мнѣ и теперь доставило особое удовольствіе вспомнить и назвать ихъ. Я знаю, что онѣ сохраняли и сохраняютъ добрую, благодарную память объ институтѣ.

Что касается меня, то все то, что мнѣ удалось сдѣлать, когда, благодаря жизненнымъ удачамъ, я имѣла возможность приложить свои силы на служеніе обществу—все это я всецѣло отношу вліянію института, тому, что онъ далъ, чему научилъ меня.

Скоро исполнится столѣтіе нашему дорогому пріюту дѣтства и юности—Патріотическому институту. Богъ знаетъ, гдѣ я буду въ то время, пусть же эти строки будутъ моимъ привѣтомъ и горячимъ сердечнымъ спасибомъ нашей старушкѣ Alma Mater.

А. Лазарева.